

№ 1492

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

СУББОТА 27 ФЕВРАЛЯ 1960

● SAMEDI 27 FEVRIER 1960

■ TREIZIEME ANNEE

Prix : 0,60 NF (60 Frs)

РУССКАЯ МИСЛЬ

„ДУШЕЧКА“

ВЫ НЕ ОШИБЛИСЬ, читатель, во главе угла будет все-таки стоять знаменитый юмористический рассказ А. П. Чехова, вознесенный до небес и включенный не только в круг семейного чтения в буквальном смысле этого слова, но и в символический проповеднический ежедневный «Круг чтения» великого Льва. Но, так как в эти юбилейные месяцы очень много уже писалось об А. П. Чехове, разрешите мне косакие лирические отступления.

На днях один из наших серьезных и нелюбимых критиков предпослал своим рецензиям о «Новых книгах» несколько метких слов, которые я не могу к сожалению цитировать точно, но приблизительно смысл которых сводился к тому, что критик судит «по старинке» и не собирается конкурировать с теми, кто может написать длинную статью по поводу двух стихотворений нравящегося ему поэта. Не идет ли речь, подумал я, о тех грамотных стихах посредственного поэта, который задумал перешеголять самих французов в смысле «désuñon» в нашем стакане воды? Неужели у русских парижан, действительно, так много ристалищ, арен, слушателей для многочисленных корридов, что после того, как один из матадоров уже объявил о своем выступлении в привычном зале, другой должен немедленно в тот же день назначить в своем околке и свой бенефис?

Не забудем однако: благими намерениями ад устлается, советов благих немало хранится на складах товарных. Ничем не наученный я начинаю длинную повесть о «Душечке», вливаясь дождиком мелким в отверстие «хляби небесные» статей мировых о всеми любимом, всеми ценимом, рано погибшем поэте, никогда не писавшем стихов.

Да послужит мне оправданием,

что я в течение полувьеса был близок к женщине характера самостоятельного, ничего общего ни с популярами, ни с Молчалиными, ни с чеховской Оленькой не имеющей, которая не только не повторяла того, что вещал ее очень образованный и талантливый муж и ее друзья, из которых один был знаменитым адвокатом, а иногда наоборот им всем любила противоречить. Властность характера и самостоятельность суждений не помешала однако тому, что с легкой руки гувернантки, переходя через детей и кончая милосердной сестрой ее последних предсмертных месяцев все звали ее «душечкой», прибавляя еще иногда эпитет «куколка», как будто мало подходящий к старой и безнадежно больной женщине. Таким образом, личный опыт убеждает меня в том, что прозвище «душечка» подслушано Чеховым в жизни, потому что зрение и слух ему Бог даровал необычайные, но это прозвище не было результатом индуктивного мышления. Словом, не все Оленьки обязательно должны быть душечками и наоборот, могут существовать и очаровательные существа, получившие от их близких это прозвище, бывши по характеру антиподами Оленьки.

Замечательно в «Душечке» другое: по определению Льва Толстого она, «как всякое истинное художественное произведение, оставаясь прекрасным, может производить различные эффекты, подобно лакмусовой бумаге».

Вспоминаю, как сейчас, 1908 год, я кончаю Московский университет; женатый на урожденной москвичке, я уже обзавелся не только квартирой, но и абонементом в Художественный театр, где рядом с нами выросла племянница Станиславского; Чехов в ту пору захватывал студенческую молодежь именно теми «ходулями... преувеличениями, шаржем...» и прочими грехами, в которых через полвека упрекает его наш уважаемый критик Г. В. Адамович; каюсь, я исключением не был и любил всего Чехова, а не только его рассказы.

С такой настроенностью я узнал, что вышел в свет в издательстве «Посредник» первый том «Круга чтения» Л. Н. Толстого и поспешил его купить. Каково же было мое изумление, когда в недельном чтении между — 2-м и 8-м июня я открыл «Душечку». Склонный к телепатическим предчувствиям и ощущениям, я прежде всего был потрясен тем, что этот рассказ помещен по игре случая в неделю, когда ро-

дилась моя «душечка». Я с чрезвычайным вниманием вновь перечитал этот рассказ, где-то уже мной читанный и был ошеломлен послесловием, о котором и тогда и много раз в течение моей жизни думал.

Временами я соглашался с аргументацией Л. Н., временами чувствовал всю его натасканную прикровенность к теориям непротivления злу, беззаветной самоотдачи, борьбы «с так называемым женским вопросом» и т. д. Но ни в какой период моей жизни, ни в атеисти-

Григорий БОРСКИЙ

ческий до 1913 г., ни после того я не забывал гениального сравнения истинно-художественного произведения с лакмусовой бумагой, сравнение это поистине как бы вырвалось «ex ungue leonis».

«Послесловие подчеркивает глубокий смысл рассказа из книги «Числ» о Валааме, который позже своей ослицы почувствовал волю Божью и вместо проклятия, для которого приехал, трижды повторил благословение Израильского народа». Л. Н. доказывает, что это именно и случилось с А. П. Чеховым, настоящим поэтом-художником, ко-

гда он писал свой прелестный рассказ «Душечка». Автор, очевидно, хочет посмеяться над жалким по его рассуждению (но не по чувству) существом «Душечки», то разделяющей заботы Кукина с его театром, то ушедшей в интересы лесной торговли, то под влиянием ветеринара, не бывшего даже мужем, а только любовником ее, толковавшей только о вреде жемчужной болезни, то, наконец, привязавшись к приемышу, поглощена была трудностями грамматики.

Все смешно, соглашается Л. Н., начиная от фамилии «Кукин», но не смешна, а свята, удивительна душа «Душечки» со своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит». Далее Л. Н. инкриминирует Чехову «неясное представление о новой женщине, ее равноправности... и проч. Для Толстого безразлично, любит ли она смешного Кукина, неприятного ветеринара или Спинозу, Паскаля и Шиллера, неважен даже тот факт, что в «Душечки» быстро сменялись предметы любви. Ничего бы не изменилось, если бы она всю жизнь любила только одного. Важно, что «Душечка» способна на то, на что мужчины не способны. Без женщин — врачей, телеграфистов, адвокатов, ученых мы можем обой-

тись, но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц... плохо было бы жить на свете. «Не было бы Марии и Магдалины у Христа, не было бы Клары у Франциска Ассизского, не было бы на торге жен декабристов, не было бы у духоборов их жен, которые не удерживали мужей, а поддерживали их в их мученичестве за правду, не было тысяч и тысяч безвестных, самых лучших...» Чехов, как Валаам, намеревался проклясть, но бог поэзии запретил ему... и он благословил, — заключает Толстой.

Аргументация, как будто бы, действительно львиная, хотя совсем по иному думал, видимо, сам Чехов, когда писал Суворину: «Я недавно написал юмористический рассказ... и теперь мне пишут, что Л. Н. Толстой очень хорошо и смешно его читает в кругу своей семьи».

Особенно сурово пытался расправиться с отзывом Л. Н. Толстого М. Горький: «Душечка — милая, кроткая женщина, которая так рабски, так много умеет любить. Ее можно ударить по щеке, и она даже застонать громко не посмеет, кроткая раба...». Разумеется для «Буревестника» с лозунгом «Человек — это звучит гордо» восхваление беззаветной, безответной «рабской» любви звучит отвратно, но если теперь поразмыслить, что натворил за последние полвека этот гордо звучащий «Человек», то становится стыдно не за «Душечку», а за «Буревестника».

Советский критик В. Лакшин в очень обстоятельной и талантливо написанной статье защищает, конечно, точку зрения Горького, но аргументацию Толстого критикует не так резко, т. е. стараясь понять и ее. Лакшин не без ловкости жонглирует тем же Валаамом, которому якобы тоже уподобился Л. Н., когда хотел «свалить» Анну Каренину, но не смог. Такая точка зрения не лишена ни оригинальности, ни смелости. Мешают однако масштабы: не укладывается в мозг сравнение маленького рассказа (12 страниц) с многотомным романом, необъятным полотном, изображающим всю почти русскую жизнь определенной эпохи, как и с трудом воспринимается сравнение маленькой Оленьки с крупной фигурой Анны. «Душечка» может быть и лакмусовая бумага, но Оленьку, как положительный тип, воспринял один только Л. Н. Толстой и сравнительно небольшая группа его последователей, между тем, как образ Анны вызывает до сих пор во всем мире, если не всегда моральное одобрение, то восторженную любовь не только у читателей самого романа, но и зрителей пьес и фильмов, неизбежно калечащих ее.

Григорий Борский